В. Зеньковский

По поводу исследования Бине о памяти

311

Дорогому С. И. Булгакову
отъ автора

Пров. 1959

Пр.

Зеньковский, В. В.

ПО ПОВОДУ ИЗСЛѢДОВАНІЯ БИНЕ О ПАМЯТИ.

(A. Binet. L' étude expérimentale de l' intelligence. Paris. 1903).

Въ психологической литературѣ часто приходится встрѣчаться съ утвержденіемъ, что память съ годами растетъ, при чемъ ссылаются на экспериментальныя изслѣдованія, произведенныя въ данномъ направленіи (изслѣдованія Bolton'a, Bourdon'a, Meumann'a, Нечаева) [1]). Но въ недавнее время одинъ изъ выдающихся изслѣдователей по экспериментальной психологіи, французскій психологъ Бине, высказался въ своей замѣчательной работѣ L' étude expérimentale de l' intelligence противъ этого положенія. Думаемъ, что будетъ небезынтереснымъ поэтому ближе ознакомиться съ данными, заставляющими Бине склониться въ пользу прежняго мнѣнія о силѣ дѣтской памяти. Эти данныя составляются какъ изъ экспериментовъ, такъ и общихъ психологическихъ положеній, опредѣляющихъ то *истолкованіе* экспериментовъ, какое мы находимъ у Бине. Къ изложенію этихъ данныхъ и къ ихъ оцѣнкѣ мы и перейдемъ.

---

[1]) См. Wundt. Grundzüge der physiologischen Psychologie B. III 594 (5-te Auf.). Ebbinghaus. Grundzüge der Psychologie S. 622. См. также Нечаевъ. Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія, стран. 40.

201670

В

„L' étude expérimentale de l' intelligence“ представляетъ собой результатъ трехлѣтняго экспериментальнаго изученія двухъ дѣвочекъ—Marguerite и Armande (которымъ къ концѣ работъ было 14½ и 13 лѣтъ)[1]. О характерѣ этого изученія можетъ дать понятіе перечисленіе главныхъ темъ, разработку которыхъ имѣлъ въ виду Бине при своихъ экспериментахъ: „о чемъ думаютъ“, „наблюденіе и воображеніе“, „мысль безъ образовъ“, „абстрактная мысль“, „измѣреніе вниманія и памяти“, „внутренняя жизнь“. Впрочемъ, это перечисленіе не даетъ полнаго представленія о томъ богатствѣ матеріала, которое содержитъ книга Бине,—богатствѣ, заключающемся какъ въ опытныхъ данныхъ, такъ и въ тѣхъ общихъ выводахъ, къ которымъ приходитъ этотъ выдающійся психологъ. Ко многимъ вопросамъ Бине впервые подходитъ съ экспериментальнымъ изученіемъ, устанавливаетъ часто новыя точки зрѣнія (наприм. въ главѣ „comment la pensée se développe“). Все это заставляетъ признать книгу Бине выдающимся явленіемъ въ экспериментальной психологіи, заставляетъ со вниманіемъ отнестись къ его выводамъ.

Еще до спеціальнаго изученія памяти передъ Бине обрисовался (правда мимоходомъ, но все же достаточно ярко) фактъ, что Marguerite обладаетъ гораздо большей силой памяти, чѣмъ Armande. Вмѣстѣ съ тѣмъ опыты показали, что Marguerite обладаетъ и большей силой вниманія, большей регулярностью умственныхъ процессовъ, такъ что, подводя итогъ опытамъ, Бине охарактеризовалъ психическую индивидуальность Marguerite словомъ stabilité—устойчивость, для характеристики же Armande онъ пользуется словомъ variabilité—измѣнчивость. Въ свѣтѣ этихъ данныхъ и были поставлены Бине спеціальные опыты для изученія памяти, и онъ напередъ былъ увѣренъ въ томъ, что найдетъ подтвержденіе

[1]) Въ книгѣ Бине встрѣчаются его опыты, произведенные и надъ другими лицами, но главный матеріалъ представляютъ эксперименты съ Marguerite и Armande.

своихъ предположеній о сравнительной силѣ памяти у дѣвочекъ. Опытъ дѣйствительно сначала подтвердилъ ожиданія Бине: давая учить наизусть стихи (причемъ память измѣрялась количествомъ стиховъ, выученныхъ въ опредѣленное время—напр. 5 или 10 минутъ), Бине обнаруживалъ, что Marguerite могла заучить почти вдвое больше, чѣмъ Armande. Такъ, давъ имъ 10 мин. на изученіе отрывка изъ первой сцены „Эсфири“ Расина, Бине нашелъ, что Marguerite успѣла за это время выучить 16 стиховъ, а Armande—8 стиховъ. Черезъ 10 мѣсяцевъ послѣ этого Бине попросилъ дѣвочекъ воспроизвести на память выученные ими стихи, и оказалось, что Marguerite пришлось подсказать 25 словъ, тогда какъ Armande всего 2 слова. Хотя уже и изъ этихъ данныхъ выясняется нѣкоторая противорѣчивость показаній (сначала Marguerite обнаруживала „лучшую память“, затѣмъ, черезъ нѣкоторый промежутокъ времени, судьба заученнаго матеріала оказалась не одинаковой у обоихъ дѣвочекъ: „лучше“ помнила Armande, а не Marguerite),—хотя уже здѣсь колеблется утвержденіе, что Marguerite обладаетъ большей силой памяти, чѣмъ Armande,—но Бине не дѣлаетъ поспѣшныхъ обобщеній и высказывается только, что быстрота запоминанія (vitesse d' acquisition) очевидно больше у Marguerite, у Armande же память какъ бы болѣе устойчива во времени (plus tenace). Впрочемъ, это послѣднее утвержденіе относительно Armande Бине считаетъ необоснованнымъ и даже сомнительнымъ (по соображеніямъ, на нашъ взглядъ, недостаточно основательнымъ)[1]).

Дальнѣйшіе опыты все же приводили къ выводу, что память у Marguerite неизмѣримо лучше. Но вотъ Бине произвелъ слѣдующій опытъ. Онъ написалъ на листкахъ по нѣсколько общеупотребительныхъ (communs) словъ и читалъ передъ дѣвочками ровнымъ голосомъ съ опредѣленной скоростью эти слова, а затѣмъ онѣ должны были воспроизвести на

[1]) См. Binet. L' étude... p. 266.

бумагѣ тѣ слова, которыя онѣ запомнили. Бине, конечно, ожидалъ, что Marguerite запомнитъ больше словъ, чѣмъ Armande, но оказалось, что и Armande и Marguerite обѣ запомнили изъ 20 словъ—12 (правда, различныхъ). Чтобы изучить, чѣмъ обусловлена разница въ результатахъ, Бине предпринялъ рядъ опытовъ, по своему характеру стоящихъ *между* двумя описанными категоріями опытовъ. Припомнимъ, что эксперименты, указывавшіе на превосходство памяти у Marguerite, состояли въ изученіи стиховъ, т. е. словъ, запоминаемыхъ текстуально, въ опредѣленномъ порядкѣ,—опыты же, говорившіе въ пользу одинаковой силы памяти у дѣвочекъ, состояли въ изученіи словъ, порядокъ которыхъ не игралъ ни какой роли. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ первомъ случаѣ дѣло шло объ изученіи наизусть, во второмъ случаѣ работа памяти ограничивалась простымъ удержаніемъ того, что запечатлѣвалось въ умѣ отъ слушанія словъ. И вотъ въ качествѣ экспериментовъ промежуточныхъ между этими двумя категоріями опытовъ Бине давалъ изучать прозаическіе отрывки, при чемъ въ одномъ случаѣ нужно было, прочитавъ *одинъ разъ* отрывокъ, воспроизвести письменно все, что осталось въ памяти, въ другомъ случаѣ нужно было выучить отрывокъ наизусть [1]).

Въ первомъ опытѣ сила памяти оказалась одинаковой, во второмъ Marguerite давала почти текстуальную передачу отрывка, Armande же, несмотря на всѣ усилія, подставляла свои собственныя выраженія.

Бине мимоходомъ дѣлаетъ выводъ, что при различной постановкѣ опытовъ при изученіи памяти мы не можемъ

---

[1]) Промежуточнымъ этотъ экспериментъ является въ томъ смыслѣ, что оба рода запоминанія (послѣ прочтенія одинъ разъ и изученія наизусть) были связаны съ *однороднымъ* матеріаломъ (тогда какъ въ прежнихъ опытахъ наизусть учились стихи, гдѣ важенъ и порядокъ слова, а въ другомъ случаѣ запоминались отдѣльныя слова, порядокъ которыхъ былъ неважен). Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ экспериментъ близокъ къ прежнимъ въ томъ отношеніи, что одинъ разъ работа заключалась въ простомъ удержаніи въ памяти, а другой разъ—въ заучиваніи наизусть.

ожидать одинаковыхъ результатовъ, такъ какъ *различные роды запоминанія не эквивалентны* (т. е. не одинакова память на слова, на цифры и т. д.)[1]). Такъ, у Marguerite память на слова лучше, чѣмъ у Armande, тогда какъ въ остальныхъ отношеніяхъ ихъ память одинакова. Иллюстрируетъ бо́льшую память Marguerite на слова слѣдующій опытъ: въ передачѣ Armande одного отрывка изъ сочиненій m-me de Sévigné оказалось 29 словъ, взятыхъ изъ текста, тогда какъ у Marguerite—60 словъ[2]).

Послѣ этихъ опытовъ, указывавшихъ на превосходство одного вида памяти у Marguerite и равенство съ Armande въ другихъ видахъ, Бине произвелъ нѣсколько опытовъ, давшихъ еще большее освѣщеніе вопросу о сравнительной силѣ памяти у изслѣдуемыхъ дѣвочекъ Онъ показывалъ обѣимъ дѣвочкамъ различные предметы, наклеенные на картонѣ; картонъ оставался для наблюденія въ теченіе опредѣленнаго времени (30 сек.), затѣмъ каждая испытуемая должна была написать на память, что она запомнила изъ того, что видѣла на картонѣ. Требовалось при этомъ описаніе возможно большаго числа деталей. Результаты снова были неожиданны: редакція Armande была не ниже, а равноцѣнна съ редакціей Marguerite...

Таковы результаты опытовъ Бине. Сводя ихъ во едино, мы видимъ, что они усложняютъ вопросъ о „силѣ памяти“. Она оказывается то различной, то одинаковой[3]), *и если сдѣ-*

---

[1]) Бине, конечно, говоритъ не о различіи спеціальныхъ видовъ па́мяти—это вѣдь давно уже извѣстно. Онъ имѣетъ въ виду *значеніе этого факта для изученія силы памяти.* О „силѣ памяти“ у Бине см. ниже.

[2]) При истолкованіи этого опыта нужно имѣть въ виду замѣчаніе Бине на стр. 277.

[3]) Надо отмѣтить, что въ изслѣдованіи Бине, къ сожалѣнію, отсутствуетъ вопросъ о томъ, къ какому типу по своимъ образамъ принадлежатъ дѣвочки (зрительному, слуховому и т. д.). Чтобы освѣтить значеніе этого вопроса для изученія „силы памяти“, напомнимъ слова того же Бине въ „Психологіи умозаключенія“ (стр. 11): „несходство различныхъ видовъ памяти зависитъ отъ несходства различныхъ образовъ“.

лать гипотезу, что перемѣнной величиной въ этихъ колебаніяхъ является не сила памяти (что и дѣлаетъ Бине), то приходится искать причины этихъ колебаній въ колебаніяхъ какого то сопутствующаго фактора. Прежде чѣмъ перейти къ вопросу объ этомъ послѣднемъ, мы можемъ (сдѣлавъ указанную выше гипотезу) *принять*, что память у Marguerite и Armande одинакова. Это предположеніе, конечно, гипотетично, такъ какъ предположивъ даже, что причиной колебанія памяти является посторонній факторъ, мы можемъ допустить различіе „силы памяти“ у обѣихъ дѣвочекъ,—и объяснять случай, когда опытъ показывалъ равенство силы памяти, какъ результатъ уравненія двухъ неравныхъ величинъ колебаніями посторонняго фактора[1]). Но какъ видно изъ математической обработки даннаго случая, приведенной въ примѣчаніи, это послѣднее предположеніе не можетъ быть удержано, и остается признать справедливымъ (при указанной ранѣе гипотезѣ) выводъ, что сила памяти у Armande и Marguerite одинакова.

Чѣмъ же объяснить различіе въ силѣ памяти, обнаружившееся въ нѣкоторыхъ опытахъ? Каковъ тотъ факторъ, колебанія котораго могутъ обусловить то, что одинаково сильная память можетъ давать иногда неодинаковые эффекты памяти?

Этотъ факторъ—вниманіе, и съ этимъ легко согласиться, такъ какъ въ процессѣ запоминанія (процессѣ, какъ его опредѣляетъ Вундтъ, „апперцептивно-ассоціативномъ“) [2])

---

[1]) Обозначивъ силу памяти у Armande a и у Marguerite a', мы можемъ сдѣлать предположеніе, что 1) $a < a'$, 2) $a = a'$ и 3) $a > a'$. Третье предположеніе противорѣчитъ опыту, второе мы принимаемъ, первое непріемлемо вотъ почему. Пусть посторонній факторъ у Armande b и у Marguerite b' Если $b > b'$, то складывая a и b, a' и b', мы можемъ получить $a + b = a' + b'$ (къ меньшему a прибавляемъ большее b и результатъ можетъ быть одинаковъ, если къ бо́льшему a' прибавить меньшее b'). Но такъ какъ b и b', какъ мы увидимъ, есть вниманіе и $b > b'$ быть не можетъ, то истолковать опыты, гдѣ эффектъ памяти одинаковъ, съ помощью приведенной конструкціи формулы $a + b = a' + b'$ очевидно нельзя. Если b не $> b'$, то $a + b = a' + b'$ только въ случаѣ, когда $a = a'$ и $b = b'$.

[2]) Wundt Physiologische Psychologie B. III, S. 595. (5-te Aufl.).

вниманіе играетъ роль фактора, усиливающаго или ослабляющаго процессъ перцепціи, установленія ассоціацій и т. д. Его колебанія—единственный факторъ, могущій мѣняться, такъ какъ „сила памяти“ (по гипотезѣ, принимаемой Бине) ceteris paribus физіологической жизни остается въ небольшіе промежутки времени одинаковой. Поэтому Бине и объясняетъ различіе, обнаружившееся въ нѣкоторыхъ опытахъ, какъ результатъ различія силы вниманія у обѣихъ дѣвочекъ. Это различіе въ силѣ вниманія касается лишь произвольнаго, а не непроизвольнаго вниманія [1]), такъ какъ въ случаѣ непроизвольнаго вниманія, эффектъ вниманія, стоящій въ связи съ „интересностью“ воспринимаемаго, при прочихъ равныхъ условіяхъ, можетъ быть признанъ одинаковымъ [2]). И вотъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ функціонировало непроизвольное вниманіе (при воспріятіи отдѣльныхъ словъ, предметовъ, наклеенныхъ на картонъ: и то и другое интересно само по себѣ—отдѣльныя слова своей неожиданностью, своей новизной сами „приковываютъ“ на время къ себѣ вниманіе; предметы, образуя на картонѣ un tableau pittoresque, тоже овладѣваютъ вниманіемъ) [3]),—въ этихъ случаяхъ различія въ эффектахъ памяти могли бы зависѣть исключительно отъ различія въ „силѣ памяти“. И что же? Въ этихъ случаяхъ эффекты памяти и у Armande и у Marguerite одинаковы,—значитъ „сила памяти“ у обѣихъ дѣвочекъ тоже одинакова. Признавая всѣ предпосыкки Бине, мы должны признать и выводъ его справедливымъ.

Чтобы объяснить опыты, гдѣ эффекты памяти были различны, нужно имѣть въ виду, что это какъ разъ тѣ опыты,

---

[1]) Опредѣленіе непроизвольнаго вниманія у Бине (стр. 279) совпадаетъ съ опредѣленіемъ инстинктивнаго вниманія у Ланге (Н. Н. Ланге. Теорія волевого вниманія, стр. 147, 154), по которому „процессъ психическаго приспособленія въ инстинктивномъ вниманіи имѣетъ началомъ *эмоцію удивленія*“.

[2]) Бине прямо этого не говоритъ, но это логически-необходимое звено въ его разсужденіи. См. р. 279.

[3]) Подробнѣе см. р. 279.

которые требуютъ напряженія волевого вниманія со стороны испытуемаго,—таково изученіе наизусть, которое, не представляя (въ процессѣ заучиванія) ничего интереснаго, требуетъ усилій воли. И разъ волевое вниманіе у Marguerite сильнѣе, то, разумѣется, и результаты заучиванія будутъ различны...

Объясненіе Бине, конечно, вполнѣ удовлетворительно, если принять его предпосылки. Эти предпосылки сводятся къ признанію, что въ актѣ запоминанія мы имѣемъ взаимодѣйствіе двухъ *различныхъ* моментовъ—съ одной стороны „plasticité"—физіологической воспріимчивости [1]), *являющейся показателемъ индивидуальной „силы памяти"*—и съ другой стороны тѣхъ психическихъ осложненій воспринятаго матеріала, которыя обусловлены вниманіемъ. Бине настаиваетъ на строгомъ различеніи этихъ моментовъ (которые онъ называетъ „памятью" и „вниманіемъ"—точно процессы, связанные съ вниманіемъ, не входятъ въ составъ того, что мы обнимаемъ словомъ „память"). Онъ дѣлаетъ поэтому принципіальное указаніе, что опыты съ изученіемъ силы памяти должны быть производимы не въ условіяхъ волевого вниманія, такъ какъ изученіе силы памяти будетъ осложнено вліяніемъ вниманія на эффектъ запоминанія,—а въ условіяхъ непроизвольнаго вниманія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Бине высказывается и по вопросу о ростѣ памяти параллельно возрасту въ томъ смыслѣ, что хотя опытныя данныя, имѣющіяся по этому вопросу, и свидѣтельствуютъ, что эффектъ запоминанія въ зрѣлые годы больше, чѣмъ въ дѣтствѣ, но это обусловлено развитіемъ вниманія, а не памяти (при чемъ съ необходимостью вытекаетъ, что развитіе вниманія идетъ быстрѣе, чѣмъ ослабленіе памяти). Память—force plastique—съ годами падаетъ, но ростъ вниманія скрываетъ этотъ эффектъ, и лишь сравненіе данныхъ о памяти при непроизвольномъ вниманіи въ дѣтскіе

[1]) Ср. понятіе „физіологической запоминаемости" у Джемса. См. его Психологію, пер. подъ ред. Оболенскаго, стр. 230.

и зрѣлые годы могло бы дать положительный отвѣтъ на вопросъ о ростѣ памяти. Но такъ какъ такихъ опытовъ произведено не было [1]), такъ какъ, съ другой стороны, „впечатлительность“ дѣтей извѣстна, то при предпосылкахъ Бине его утвержденіе, что у дѣтей память сильнѣе, эмпирически безспорно. L' enfant a plus de memoire, l' adulte a plus d' attention—у ребенка сильнѣе память, у взрослаго—вниманіе,—такова формула, резюмирующая изслѣдованіе Бине.

Попробуемъ теперь разобраться въ опытахъ Бине и въ тѣхъ принципахъ, которые лежатъ въ основаніи его истолкованія опытовъ.

Коснемся прежде всего постановки его опытовъ.

Мы не рѣшимся утверждать, что пріемы изслѣдованія, доминирующіе въ нѣмецкихъ экспериментальныхъ работахъ о памяти, представляются единственными; даже больше—изученіе литературы по этому вопросу говоритъ за то, что пріемы изученія мамяти находятся im werden. Поэтому принципіально, на нашъ взглядъ, ничего нельзя сказать противъ того метода изученія памяти, какимъ пользовался Бине. Надо при этомъ имѣть въ виду, что для Бине были важны не количественные, а качественные результаты, что ему было важно *сравнительное* изученіе психической индивидуальности Marguerite и Armande. Поэтому несоблюденіе Бине точныхъ условій опыта (напр. неизвѣстность, одинаково ли были интересны для обѣихъ дѣвочекъ картины, наклеенныя на картонѣ; разъ точно не опредѣленъ этотъ моментъ, нельзя особеннаго значенія придавать количественной сторонѣ) [2]) не

---

[1]) О нѣкоторыхъ своихъ опытахъ Бине упоминаетъ на стр. 261.

[2]) Мы могли бы указать еще цѣлый рядъ погрѣшностей въ постановкѣ опытовъ у Бине. Такъ, у него большую роль играютъ опыты съ заучиваніемъ наизусть. Заучиваніе наизусть представляетъ очень сложный процессъ, протекающій въ высшей степени индивидуально. И это станетъ намъ понятнымъ, если мы обратимъ

можетъ поколебать значенія самихъ опытовъ. Противорѣчивость результатовъ, заставившая Бине сдѣлать изложенные выводы, все таки остается фактомъ, требующимъ объясненія.

Эта противорѣчивость результатовъ, къ которымъ пришелъ Бине, сводится къ тому, что въ однихъ опытахъ внѣ сомнѣнія устанавливалась бо́льшая „сила памяти“ у Marguerite, въ другихъ опять таки съ несомнѣнностью выяснилось, что „сила мамяти“ у Marguerite и Armande одинакова. Если „сила памяти“—понятіе не фиктивное, то быть въ одно и то же время различной эта сила памяти, конечно, не можетъ. Чтобы устранить это противорѣчіе, необходимо, конечно, условиться въ точномъ значеніи самого понятія „силы памяти“. Но тутъ мы должны остановиться, хотя бы въ самыхъ краткихъ чертахъ, на понятіи памяти. Психологи не всѣ согласны относительно „моментовъ“ памяти и одни съ понятіемъ „память“ связываютъ три, другіе четыре явленія. Послѣднее намъ кажется болѣе правильнымъ. Вотъ какъ

вниманіе на то, что каждое слово (напр. „дерево“) живетъ въ сознаніи какъ нѣсколько образовъ (зрительный образъ дерева, зрительный образъ самого слова, слуховой образъ слова, графомоторный образъ, язычно-моторный образъ). Отсюда ясна индивидуальность процесса заучиванія, при чемъ факторомъ, обусловливающимъ различіе въ эффектахъ запоминанія, является не только вниманіе, но и самое различіе *путей* въ заучиваніи наизусть. (О связи „интеллектуальныхъ типовъ“ съ направленіемъ ассоціаціи см. Claparède. L' association des idées p. 201). Напомнимъ еще разъ, что Бине не производилъ изслѣдованія о природѣ господствующихъ образовъ у дѣвочекъ и потому учесть этотъ индивидуальный моментъ онъ не могъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ разнообразіе пріемовъ изслѣдованія у Бине также затрудняетъ пользованіе его данными. Іостъ (Jost) изъ своихъ опытовъ вывелъ, между прочимъ, что методъ удачныхъ отвѣтовъ и методъ сбереженія не одинаковъ въ смыслѣ изученія памяти—одинъ лучше изучаетъ тенденцію къ усиленію ассоціацій, другой—тенденцію къ воспроизведенію. Можно не соглашаться съ такой формулировкой, но нельзя не признать справедливымъ того, что различіе методовъ изслѣдованія обусловливаетъ различіе получаемыхъ результатовъ, такъ какъ одни моменты намѣренно игнорируются, другіе выдвигаются, благодаря особенностямъ метода, впередъ (ср. Claparède L' assoc. d. id. p. 106). У Бине же употреблялись различные методы. По классификаціи Эббингауза (Grundzüge der Psychologie 619—621) онъ пользовался то методомъ „удержанныхъ членовъ“, то методомъ „удачныхъ отвѣтовъ“, то методомъ „подсказыванія“ (Methode der Hilfen).

одинъ изъ психологовъ опредѣляетъ память [1]). „Память обнимаетъ слѣдующія функціи: 1) сохраненіе состояній сознанія, 2) ихъ воспроизведеніе, 3) ихъ узнаваніе и 4) ихъ локализацію во времени [2]). Опытъ учитъ, что эти функціи сравнительно независимы, такъ какъ мы можемъ воспроизводить нѣкоторыя состоянія, не сознавая ихъ воспоминаніями, или сознавая ихъ воспоминаніями, не узнавать ихъ,—какъ можемъ узнавать ихъ, не будучи въ состояніи воспроизвести и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ современная психологія, сдавшая въ архивъ старинную теорію о способностяхъ души, не видитъ въ памяти какой то особой, единой способности: „существуетъ не память, а памяти“ [3]).

Таковы основныя черты психологическаго пониманія памяти. Однако, какъ извѣстно, психологія—въ большинствѣ ея представителей—не отказывается отъ задачи *объясненія* связи психическихъ явленій, и въ нашемъ вопросѣ о природѣ памяти для психологіи давно уже стало привычнымъ *біологическое* истолкованіе памяти, ставящее въ ту или иную связь (параллелизма или взаимодѣйствія) явленія памяти съ физіологическими процессами. Поэтому при изученіи психологіи памяти всегда приходится останавливаться на нѣкоторое время на главѣ „физіологическія основы памяти“. Были даже попытки (Hering) считать память общей функціей организованной матеріи, т. е. свести это загадочное психическое явленіе къ біологическому и даже физико-химическому базису. Какъ ни соблазнительна эта точка зрѣнія, но ясно, что она все же представляетъ изъ себя только гипотетическую обработку *психологическихъ* фактовъ...

---

[1]) Claparède L' assoc. d. id. p. 334.

[2]) Чтобы подчеркнуть сложность и этихъ моментовъ, укажемъ, что, по справедливому замѣчанію Бине („Введеніе въ изученіе экспериментальной психологіи“, стр. 53), во всякомъ воспоминаніи есть актъ сужденія, устанавливающій, что данный образъ есть воспоминаніе.

[3]) Г. И. Челпановъ. О памяти и мнемоникѣ, стр. 39. Рибо. Память, стр. 19.

Распространенность біологической гипотезы памяти единственно можетъ намъ объяснить, почему такой тонкій и глубокій психологъ, какъ Бине, въ вопросѣ о „силѣ памяти“ могъ впасть въ такое игнорированіе *психологической* стороны вопроса[1]). У него, какъ мы видѣли, явленія памяти трактуются какъ взаимодѣйствіе двухъ различныхъ моментовъ—съ одной стороны „plasticité“, съ другой стороны всѣхъ тѣхъ психическихъ осложненій, которыя связываютъ проблему памяти съ проблемой вниманія. Силу памяти Бине именно и понимаетъ, какъ forse plastique, какъ величину *физіологическую*[2]). Сила памяти для Бине означаетъ силу физіологической воспріимчивости (или, пользуясь терминологіей Джемса, „физіологической запоминаемости“), силу, обусловливающую большую или меньшую физіологическую закрѣпляемость образа[3]),—и воспроизведеніе, воспоминаніе, узнаваніе, всѣ эти эффекты памяти являются лишь обнаруженіемъ, раскрытіемъ того факта, что образъ ,,сохраняется“. Продолжительность сохраненія и интенсивность образа при оживаніи служатъ прямымъ обнаруженіемъ большей или меньшей силы памяти; всѣ же остальные моменты, осложненные вниманіемъ и т. п., дѣлаютъ колеблющимся эффектъ памяти, но *не касаются памяти, какъ постоянной силы*[4]).

Для психологіи вопросъ о силѣ памяти стоитъ въ связи съ колебаніями эффектовъ памяти—оживанія образовъ, воспроизведенія, узнаванія,—и лишь въ результатѣ стремленія найти связь психическихъ фактовъ съ помощью біологической гипотезы памяти вопросъ о силѣ памяти перешелъ въ вопросъ

---

[1]) Самъ Бине (Введеніе въ из. эксп. псих., стр. 53) писалъ, что „біологическая гипотеза памяти способна внушить идею, будто память—простая функція, въ дѣйствительности же она состоитъ изъ комплекса сложныхъ процессовъ“.

[2]) См. Binet L' etude... p. 279, 260—1.

[3]) Напомнимъ, что Бине по своимъ воззрѣніямъ принадлежитъ къ параллелистамъ (см. напр. его „Психологію умозаключенія“). Поэтому выраженіе „физіологическая закрѣпляемость образа“ не будетъ искаженіемъ его мысли.

[4]) Такова, на нашъ взглядъ, основная предпосылка Бине. Ср. Binet L' étude... p. 260, 279.

о силѣ запоминанія [1]). Такое превращеніе не имѣетъ однако фактическихъ основаній.

Въ сведеніи вопроса о силѣ памяти къ вопросу о силѣ запоминанія, помимо вліянія біологической гипотезы памяти, звучитъ еще не вполнѣ исчезнувшая теорія способностей—способности памяти, вниманія, воображенія и т. д. Для этой этой теоріи память и запоминаніе сливались въ одну проблему, тогда какъ въ эффектахъ памяти проявляла себя не одна способность памяти, но и способность вниманія. Но для современной научной психологіи, во всякомъ случаѣ хотя бы предварительно, приходится отклонить услуги теоріи способностей [2]). Поэтому вниманіе и память—это не два различныхъ, независимыхъ *явленія*, а это вспомогательныя научныя *понятія*, разрывающія *цѣлостный* психологическій опытъ. Процессы, называемыя вниманіемъ, включаютъ въ себя процессы памяти [3]), и наоборотъ, и отдѣлять память отъ вниманія возможно лишь въ результатѣ психологической абстракціи. Понятна поэтому и точка зрѣнія современной психологіи на развитіе памяти. „Причины, которыя содѣйствуютъ вниманію, пишетъ Эббингаузъ [4]), въ то же самое время облегчаютъ созданіе и укрѣпленіе ассоціативныхъ связей". Другими словами, тѣ факторы, которые обусловливаютъ развитіе вниманія, тѣмъ самымъ обусловливаютъ и развитіе памяти. Отсюда ясно, что эффекты памяти столько же входятъ въ проблему памяти, какъ и запоминаніе. Сила памяти для опытной психологіи обнаруживается въ эффектахъ памяти, и обусловли-

---

[1]) Даже у такого выдающагося психолога, какъ Эббингаузъ, мы находимъ отзвукъ этихъ идей. „Воспроизведеніе и память, пишетъ онъ, подразумѣвая здѣсь подъ памятью „сохраненіе" представленій, относятся какъ работа и энергія". (Grundzüge. d. Ps. S. 608).

[2]) Ср. справедливыя слова Вундта (Gründz. d. phys. Psych. B. III. S. 583). „Es gibt für die wissenschaftliche Psychologie keine Gedächtniss".

[3]) Ср. теорію волевого вниманія Н. Ланге („Процессъ волевого умственнаго вниманія состоитъ въ ассимиляціи ощущенія и соотвѣтственнаго ему образа воспоминанія". Теор. вол. вним. стр. 181).

[4]) Ebbinghaus. Grundz. d. Psych. S. 637.

вается она не только силой запоминанія (гипотически допускаемымъ факторомъ), но и *всѣмъ тѣмъ*, что усиливаетъ эффектъ памяти. Вмѣстѣ съ тѣмъ *общаго вопроса о силѣ памяти нѣтъ*,—и это наше главное возраженіе противъ Бине,—какъ благодаря независимости частныхъ видовъ памяти, такъ и въ силу, такъ сказать, *многогранности* явленій памяти, невозможности свести ихъ къ одному моменту. Связь же процессовъ вниманія и памяти требуетъ лишь при опытахъ съ памятью „постоянныхъ условій вниманія“ (Wundt. Phys. psych. B. III. S. 584). Поэтому мы должны признать точку зрѣній Бине, думающаго *отдѣлить* память отъ вниманія и такимъ образомъ рѣшить вопросъ о силѣ памяти, *принципіально неправильной*.

Сказаннаго намъ кажется достаточно для того, чтобы выяснить непріемлемость тѣхъ предпосылокъ, изъ которыхъ Бине исходилъ при истолкованіи своихъ опытовъ. Въ сущности Бине не даромъ въ концѣ и въ началѣ своей статьи говоритъ о необходимости различать память отъ вниманія. Это столько же выводъ его, сколько и предпосылка. Исходя изъ указаннаго пониманія „силы памяти“, онъ опирался на сведеніе проблемы о силѣ памяти къ вопросу о силѣ запоминанія, а это послѣднее возможно лишь при строгомъ отдѣленіи „вниманія“ отъ „памяти“. Разумѣется, что при такихъ предпосылкахъ Бине пришелъ къ выводамъ, однороднымъ съ своими предпосылками, но въ выводахъ, конечно, просто сказались предвзятыя убѣжденія... Однако мы должны, отвергнувъ предпосылки Бине, отвергнуть и его выводы, т. е. показать, что его опыты возможно и нужно истолковать иначе, чѣмъ это мы находимъ у Бине.

Опыты Бине, какъ мы видѣли, противорѣчивы въ своихъ результатахъ. Какъ же истолковать эти опыты, чтобы помирить противорѣчія?

Напомнимъ эти противорѣчія. Marguerite обнаружила при изученіи стиховъ память вдвое большую, чѣмъ Armande,

но когда черезъ 10 мѣсяцевъ Бине предложилъ имъ воспроизвести эти стихи, то въ общемъ Marguerite забыла значительно больше, чѣмъ Armande. Бине истолковываетъ этотъ результатъ опыта въ томъ смыслѣ, что у Marguerite бо́льшая скорость запоминанія, а у Armande память болѣе устойчива во времени. Въ сущности уже этимъ самымъ замѣчаніемъ своимъ Бине подчеркиваетъ сложность понятія ,,силы памяти'' и невозможность оперировать съ тѣмъ понятіемъ ,,силы памяти'', какимъ пользуется онъ. Но онъ не обратилъ вниманія на двойственность этого понятія и по прежнему считалъ выраженіемъ ,,силы памяти'' скорость запоминанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣланное имъ замѣчаніе о смыслѣ опыта является не объясненіемъ опыта, а лишь иной формулировкой его. Между тѣмъ въ его распоряженіи находился матеріалъ, который давалъ ему, на нашъ взглядъ, возможность объяснить приведенный опытъ. Это объясненіе, дающее ключъ и къ другимъ опытамъ, на нашъ взглядъ, можетъ быть дано въ такой формѣ.

Эксперименты самаго различнаго характера, произведенные Бине надъ Marguerite и Armande, выясняютъ съ достаточной убѣдительностью, что душевная жизнь Marguerite въ гораздо большей степени, чѣмъ у Armande, носитъ на себѣ вліяніе внѣшней среды [1]). Ея ассоціаціи принадлежатъ главнымъ образомъ къ тѣмъ, которыя Вундтъ называетъ внѣшними [2]); образы, живущіе въ ея сознаніи, всѣ почти очень ,,свѣжіе''—недавняго происхожденія. Эта особенность душевной жизни Marguerite выступаетъ съ особенной отчетливостью, если сравнить ее съ душевной жизнью Armande, у которой душевная жизнь складывается гораздо болѣе независимо отъ внѣшней среды, чѣмъ у Marguerite. Ея образы по преимуществу болѣе отдаленные, ея ассоціаціи совершенно почти не принадлежатъ къ ассоціаціямъ по смежности,—по типу

[1]) Binet L' étude... p. 30, 34, 37, 77, 171, 145, 212, 292.

[2]) Соотвѣтственное указаніе у Binet—L' étude, p. 66.

своему она принадлежитъ не къ „практическимъ“, а къ „поэтическимъ“ натурамъ (Binet. L' étude... p. 173, 189, 37, 66, 68, 303). Эти тенденціи душевной жизни даютъ намъ матеріалъ для истолкованія приведеннаго выше опыта Бине. Работа при заучиваніи состоитъ въ созданіи достаточно сильныхъ ассоціацій, и въ связи съ тенденціями душевной жизни эта работа у Marguerite и Armande очевидно должна носить различный характеръ. Процессъ заучиванія у Marguerite (съ ея тяготѣніемъ къ внѣшнимъ ассоціаціямъ) идетъ быстрѣе именно потому, что ассоціаціи, возникающія у нея, иныя, чѣмъ у Armande: для послѣдней, съ ея типомъ душевной жизни, неустранимо тяготѣніе къ созданію ассоціацій не по смежности, а по внутреннему сродству, и на этотъ процессъ достаточный свѣтъ проливаетъ, на нашъ взглядъ, тотъ найденный Бине фактъ, что у Armande гораздо чаще всплываютъ въ сознаніи абстрактныя идеи, чѣмъ у Marguerite (изъ 300 словъ, написанныхъ Armande, 70 были абстрактными, у Marguerite же изъ 320 — всего 12 абстрактныхъ). Но повседневный опытъ учитъ насъ, что ассоціаціи по смежности гораздо слабѣе во времени, чѣмъ ассоціаціи по сходству, устанавливающія логическую связь представленій. Этимъ различіемъ господствующихъ ассоціацій и долженъ быть, на нашъ взглядъ, объясненъ фактъ, приведенный выше. Но обычно скорость запоминанія (по нашему мнѣнію стоящая у Marguerite въ связи съ господствомъ внѣшнихъ ассоціацій) квалифицируется какъ сила памяти. Отсюда ясно, между прочимъ, какъ неправильно считать измѣреніе силы памяти возможнымъ при изученіи скорости запоминанія. Въ обычныхъ при изученіи силы памяти опытахъ мы именно имѣемъ изученіе скорости запоминанія, тогда какъ эта скорость является лишь однимъ изъ элементовъ, входящихъ въ составъ понятія „силы памяти“.

Перейдемъ къ другимъ опытамъ.

Armande, въ опытахъ съ воспроизведеніемъ услышанныхъ словъ, съ описаніемъ видѣнныхъ предметовъ, съ

изложеніемъ отрывка, прочитаннаго одинъ разъ, обнаруживала силу памяти одинаковую съ Marguerite,—въ опытахъ же заучиванія наизусть—память болѣе слабую, чѣмъ у Marguerite. Бине, какъ мы видѣли объяснялъ это тѣмъ, что сила памяти у дѣвочекъ одинакова, а колебанія въ эффектахъ памяти зависитъ отъ колебаній вниманія.

Мы уже раньше говорили, что предположеніе единой, неизмѣнной силы памяти противорѣчитъ психологическому опыту и не можетъ быть удержано, такъ что о „силѣ памяти" вообще—говорить нѣтъ никакихъ основаній. Если память, какъ отдѣльная способность, не существуетъ,—то и понятіе единой „силы памяти" оказывается фиктивнымъ. Сравненіе силы памяти возможно *лишь въ предѣлахъ одной формы памяти.* Можно сравнивать память на цифры у Armande и Marguerite,—но сравнивать память на цифры и на слова, находить противорѣчія или согласія—нельзя, такъ какъ по справедливому замѣчанію В. Анри, это величины несоизмѣримыя [1]). Какое же поэтому основаніе говорить, что опыты Бине противорѣчивы? Въ опытахъ противорѣчія нѣтъ, а есть *различіе;* постараемся истолковать это различіе.

Самъ Бине въ своемъ „Введеніи въ изученіе экспериментальной психологіи" различалъ—и по нашему мнѣнію вполнѣ справедливо—память *самодѣятельную* (въ условіяхъ непроизвольнаго вниманія) и память произвольную: обѣ эти памяти, говоритъ онъ, неодинаковы (иначе говоря—различіе этихъ памятей есть въ то же время различіе двухъ вниманій). *Стремленіе запомнить* очень часто осложняетъ работу памяти въ томъ смыслѣ, что вноситъ характеръ случайности въ созданіе ассоціаціи; процессъ запоминанія въ такомъ случаѣ часто опирается на то, что съ такой неумѣренностью использовано мнемоникой,—на чисто случайныя, порой без-

[1]) В. Анри Воспитаніе памяти стр. 20 (Вѣстникъ Воспитанія 1900 г. Сентябрь).

смысленныя ассоціаціи. Въ условіяхъ же самодѣятельной памяти происходитъ ничѣмъ не стѣсняемая, свойственная данному лицу душевная работа, опредѣляющая закрѣпленіе впечатлѣній согласно типу душевной жизни (т. е. если существуетъ потребность въ созданіи осмысленныхъ ассоціацій,—то запоминаніе опирается на нихъ; иначе происходитъ дѣло при тяготѣніи къ чисто внѣшнимъ ассоціаціямъ).

Итакъ условія самодѣятельной памяти даютъ протекать душевной работѣ, на которую опирается запоминаніе, вполнѣ *индивидуально*: память сохраняетъ то, что, въ силу индивидуальныхъ особенностей душевной жизни, вошло въ достаточно сильныя ассоціативныя связи съ тѣми или иными состояніями сознанія. Совсѣмъ не то мы имѣемъ при процессѣ заучиванія—особенно если дѣло идетъ о точномъ запоминаніи, какъ это имѣетъ мѣсто при заучиваніи стиховъ.

Но тутъ мы должны нѣсколько детализировать сдѣланную выше сравнительную характеристику психической жизни Marguerite и Armande.—Бине нашелъ, что Marguerite могла какъ угодно долго представлять какой-нибудь образъ (все равно—вызванный ею или экспериментаторомъ),—тогда какъ Armande не въ состояніи долго представлять себѣ одинъ образъ: образы смѣняютъ другъ друга, помимо ея желанія—„elles se chassent“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Marguerite вполнѣ владѣетъ своими образами, такъ какъ легко представляетъ себѣ ихъ измѣняющимися—между тѣмъ какъ Armande къ этому совсѣмъ почти неспособна.—Съ другой стороны анализъ описаній (descreptions d'objets) привелъ Бине къ слѣдующимъ выводамъ: описаніе Marguerite полно деталей, мелочныхъ фактовъ, описаніе Armande бѣдно деталями, но все подчинено одной доминирующей идеѣ.

Эти данныя достаточно дорисовываютъ все различіе той работы, которой требовало заучиваніе,—у Marguerite и Armande. Для Marguerite работа заучиванія состояла лишь въ регулированіи того процесса, которымъ обычно для нея со-

провождается воспріятіе: тяготѣніе къ внѣшнимъ ассоціаціямъ, способность легко и долго сосредоточивать свое вниманіе на опредѣленномъ образѣ, тяготѣніе къ деталямъ—все это превосходныя данныя для заучиванія наизустъ,—и волевое вниманіе лишь способствуетъ тому, чтобы ихъ использовать; не то происходитъ у Armande. Заучиваніе наизусть не находитъ себѣ опоры въ обычномъ теченіи психики Armande,—и волевое вниманіе должно играть роль фактора, *тормозящаго* привычныя тенденціи душевной жизни*). Работа, выпадающая на долю Armande при заучиваніи наизусть, гораздо сложнѣе и тяжелѣе чѣмъ работа Marguerite,—и это различіе въ работѣ, обусловливающей заучиваніе наизусть, находитъ себѣ выраженіе въ различіи быстроты заучиванія.

Теперь для насъ ясно, что никакого противорѣчія въ опытѣ Бине нѣтъ,—а есть лишь различіе результатовъ, вытекающее изъ различія работы памяти въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ. Такимъ образомъ для истолкованія опытовъ Бине совершенно достаточно данныхъ, выдвинутыхъ другими его изслѣдованіями,—и незачѣмъ прибѣгать къ принципіально неправильному отдѣленію вниманія и памяти.

Заканчивая нашу статью, вернемся къ вопросу, съ котораго мы начали,—къ вопросу о ростѣ памяти. Полагаемъ, что послѣ всего сказаннаго должно быть ясно, что положеніе Бине—„l'enfant a plus de memoire, l'adulte a plus d'attention"—является лишь его *мнѣніемъ*, справедливость котораго можетъ быть признана лишь тѣмъ, кто принимаетъ его предпосылки. Такъ какъ эти предпосылки, на нашъ взглядъ,

---

*) Ср. „generative und effectuelle Hemmung" ассоціацій при „интерференціи" ассоціаціи у Claparède l'ass. d. id. p. 140—2.

непріемлемы, то и возраженіе Бине теряетъ свою силу, и вопросъ о ростѣ памяти можно считать по прежнему открытымъ. Называемъ этотъ вопросъ открытымъ, такъ какъ изслѣдованія Bolton'a, Meumann'a, Bourdon'a и Нечаева, не даютъ возможности съ научной достовѣрностью рѣшить его [1])...

В. В. Зѣньковскій.

---

[1]) Не можемъ не привести справедливыхъ словъ Клапареда: „что касается возраста, то по истинѣ довольно трудно сказать, являются ли ассоціаціи, образованныя въ нѣжномъ дѣтскомъ возрастѣ при прочихъ равныхъ условіяхъ сильнѣе, чѣмъ тѣ, которыя образованы впослѣдствіи. И можно ли въ этомъ случаѣ говорить о „прочихъ *равныхъ* условіяхъ"? (L'association des idées. P. 134),

Дозволено цензурою. Кіевъ, 27 Іюля 1905 г.